

Иногда мне кажется, нет, я уверен, что все мои дороги остаются со мной. Они сворачиваются в рулончики, в рулоны, в тюки километров и хранятся в кладовых моей души. Их много-много, так много, что сразу, пожалуй, все и не вспомнить. Каждая дорога, от первого до последнего метра или километра, бережно свёрнута, упакована и сохранена до того момента, когда мне захочется мысленно к ней вернуться. Просто потому, что они часть меня и без них я бы выглядел куце и нелепо... Они – это я!

И, побродив по всему этому огромному хранилищу, я останавливаюсь у стеллажа и снимаю с полки какую-то из моих дорог. Иногда целенаправленно, ища конкретную, иногда полагаясь на ту самую Случайность, в которую я не верю. Разворачиваю, как бесценный манускрипт, все эти метры-километры, начиная с предисловия

про первый шаг, ведь он есть у любой дороги, чтоб непременно насладиться Предвкушением. Это волшебное ощущение чего-то только-только начинающегося. Ведь дорога – это не перемещение из пункта А в пункт В, нет, это очень многогранный Процесс, который полностью пропитан Жизнью, как пропитан кремом мой любимый торт «Графские развалины». Жизнь в процессе дороги имеет особый, ни с чем иным не сравнимый вкус. Он, этот вкус, всегда разный, потому что разными были и дороги... Многие из них горькие... но и они – это тоже я.

Иногда вспоминаю свои первые дороги. Например, ту, когда моя старшая сестра тащила меня за руку по улице, к соседям. Была зима, и бежать в носках по снегу было и холодно, и страшно. Но я понимал, что бежать надо, потому что у нас было мало времени – пьяный отец бил маму, и надо было успеть убежать, ведь следующими должны были стать мы. Отец тогда показал на топор, валявшийся у печки, и пообещал «разобраться с нами». Мама кинулась нас защищать, и ей досталось первой, зато мы убежали... Мне было четыре, сестре – двенадцать...

И ещё одна дорога тут же всплывает в моей памяти – мы с отчимом идём с зимней рыбалки, на лыжах, по льду Иртыша. Кругом тайга, яркое солнце, мне шесть, и я уже умею замечать прелести нашей сибирской природы... до дома ещё идти и идти... где-то недалеко от нашей лыжни тёплый ключ, и потому снег и лёд немного подтаяли. Неосторожно наступаю в этот мокрый слой, и дальше, на морозе, этот снег тут же смерзается на лыжах, и они уже перестают скользить... Отчим видит это, возмущённо хмыкает, пересыпая короткую речь матом, и советует идти дальше пешком, потому что «не х... было лезть в мокрый снег». Я пытаюсь идти дальше на лыжах, но сил переставлять их не хватает, а сами они не скользят, как раньше. Приходится снять и связать их вместе, так проще тащить за собой за верёвку. Отчим ушёл далеко вперёд,

вряд ли получится догнать его, но на околице он, конечно, меня подождёт, чтоб прийти домой вместе. И я иду, проваливаясь в снег, немного плачу от досады на свою неуклюжесть и неосторожность, я устал и проголодался, но я знаю, что обязательно дойду, потому что надеяться можно только на себя, потому что Я СМОГУ, потому что мне уже шесть и я почти взрослый...

Мелькают в памяти годы моей жизни, какая из дорог всплывёт в моей памяти следующей?

Увы – это опять печальная дорога и история, с ней связанная... Мне шестнадцать лет, я учусь в девятом классе, мы едем в стареньком ПАЗике в Омск. Нам сообщили, что в Омске убили мою сестру, ей двадцать три. Было... Обстоятельства случившегося неизвестны. Мама плачет, тяжело, в голос, я обнимаю её и всю дорогу, все эти бесконечные шесть часов, пытаюсь успокоить и говорю, что ничего ещё не известно, может, она в больнице, что что-то напутали. Я говорю много успокаивающих, обнадеживающих слов, чтоб хоть как-то отвлечь её, чтоб остались силы на потом, на то, что нас ждёт по приезде. В этом автобусе правду знаю только я. Знаю, что надежды нет, потому что сестра в морге, по адресу: Партизанская, 20. Мне сказали это перед отъездом. Я не смогу этого сказать маме и потому вру про надежду... Зачем и кому нужна правда, которая убьёт?

Листаю страницы своей жизни дальше, их много, этих страниц, и дорог на них тоже огромное количество, можно рассказать про них больше, ведь далеко не все они были печальными, были и приятные! И вот уже память перестраивается, и мне вспоминается почему-то вот эта...

Алтай, август 2001... Турбаза «Катунь», естественно, на берегу реки Катунь. Эпоха, когда нас ещё не поработили гаджеты. У меня нет мобильного телефона, и ни у кого ещё нет... я иду в контору турбазы, чтобы позвонить домой, поздравить маму с днём рождения. Ничто не может отменить это правило! А в конторе мне говорят, что

телефон не работает второй день и надежды на восстановление связи нет. Объясняю, что «очень-очень надо!» Тщетно, ведь от этого связь не появится! Выясняю, где же ближайший пункт связи, – оказывается, не всё так безнадежно, – почта и телеграф есть в селе Чемал, всего двадцать километров по Чемальскому тракту. Конторская работница сочувственно улыбается и говорит, что машины сегодня ходят редко, а те, что едут, попутчиков не берут... Есть на такие вещи универсальный ответ: «И ЧО?» – «Вы что, пешком собрались идти?» – спрашивает женщина, на что тут же получает ответ: «Конечно!»

И вот уже разворачиваются у меня под ногами километры Чемальского тракта – справа от дороги несёт свои воды Катунь, слева – горы! Красота! И НИКОГО вокруг! Я пою песни, потому что плеера у меня тоже ещё нет, а развлекать себя как-то надо! Редко-редко мимо проезжают машины, но я не голосую, потому что это – МОЯ дорога, у меня есть цель, и я к ней иду. Двадцать километров – это всего лишь около трёх часов ходьбы. Делов-то! Уже на подходе к селу Чемал делаю передышку – сижу на обломке скалы у самой дороги и слушаю звуки алтайской природы...

Телеграф. Всего одна кабинка для междугородных переговоров, куда меня через несколько минут после заказа и приглашают. У меня три оплаченных минуты разговора. Сказать маме, что поздравляю её, что люблю и что со мной всё в порядке... А дальше? Чашка кофе в придорожной забегаловке и подозрительный на вид беляш. Всё, можно возвращаться... Всего двадцать километров до базы – делов-то... Зато цель достигнута!

Я ещё чувствую свежее дыхание алтайского ветра и слышу шум Катунь, а память увлекает меня дальше, к другим дорогам...

2008 год, Египет. Мы отдыхаем здесь с младшей дочкой, ей двенадцать. Мы ещё дома планировали экскурсию на гору Моисея. Говорят, это именно то место, где

Господь вручил ему скрижали с заповедями. Кто знает... может быть. Туристические группы привозят сюда примерно к двум часам ночи, потому что на дорогу к вершине уходит около четырёх часов. В шесть утра надо быть на месте, чтоб встретить там восход солнца. У нас хорошая, удобная обувь и налобные фонарики. Те фонари, что раздаёт экскурсовод, неудобные и плохо светят, а руки должны быть свободными – так лучше двигаться по тропе. Именно с тропы начинается наш путь. Группа примерно из пятнадцати человек, все возбуждены необычностью обстановки и пока ещё двигаются весело и непринуждённо. На тропе нас поджидают туареги – загадочные, замотанные в материю мужики с верблюдами, предлагающие своё «верблюжье такси до ступеней»... Часть группы тут же вступает с туарегами в торги за комфорт. Мы идём дальше, потому что смысл именно в том, чтоб дойти самим, а там, впереди, нас ждут ещё 750 ступеней. Ступенями их назвать можно разве что с большой натяжкой, потому что это просто камни разной величины. Дорога становится круче и из тропы действительно превращается в лестницу из этих ступеней. Группа наша безнадежно отстала, но заблудиться здесь негде, и мы с дочкой идём вперёд, попутно обгоняя ещё две группы, которые вышли раньше нас. Наша выносливость нас откровенно радует! Вершина приближается, хотя в ночи её, конечно, не видно. Мы выходим к маленькому храму на горе в числе первых, покупаем по баснословной цене по чашке горячего чая и берём в аренду жёсткие колючие одеяла. Здесь очень прохладно, а до восхода ещё почти целый час. Мы сидим, прижавшись друг к другу, и нам просто хорошо, несмотря на холод! Из-за гор поднимается солнце, и происходит чудо – мы, словно телепортировавшись, оказываемся в горах! Красота завораживает! Говорят, что тем, кто прошёл сам этот путь и помолился на вершине, прощаются все грехи. Что ж, пусть так и будет! Нам

предстоит путь назад, он обещает быть не менее интересным!

Были и не очень длинные дороги, всего в пару сотен метров... но и такие запомнятся, а одна из них даже стала основой моего рассказа «Сын акулы». Дорога через Иртыш по первому льду, когда пришлось тащить санки с пациентом. Тогда, несмотря на мороз, мы с фельдшером и помогавшим нам милиционером были мокрыми от пота, а лёд забавно потрескивал под ногами и санками... и машина ждала нас на другом берегу. Мы были не обязаны, просто было НАДО это сделать, потому что это был последний шанс человека с ножевым ранением в живот... Мои дороги на скорой помощи – это отдельный разговор, а вот Путешествия...

Мои Путешествия всегда дарили мне самые интересные дороги, их огромное количество, ведь за спиной пара десятков посещённых стран, каждая из которых – это новые впечатления, новые эмоции и, конечно же, новые дороги!

Перед глазами и дорога по острову Ольхон на Байкале, когда мы пешком шли на восточную часть острова, чтоб полюбоваться там Большим Байкалом, и дорога от турбазы Шкареба до города Ровинь в Югославии, которую я преодолевал каждый день в течение недели, чтоб снова и снова побродить по узким улочкам этого сказочного городка, который стал одним из самых моих любимых мест в мире!

А ещё... (я улыбаюсь) – дорога, которая тоже стала своего рода испытанием на прочность, а точнее, на влагоупорность!

Филиппинские острова. Там я оказался с желанием увидеть могилу Магеллана. Увидел. Ведь именно там он и погиб после конфликта с местным вождём острова Мактан – Лапу-Лапу. В одной из своих прогулок по острову Мактан я решил пройтись довольно далеко, через мост на остров Себу... на это у меня ушло только в одну сторону больше трёх часов... Побродив по Себу-сити, вволю нафотографировав жизнь простых филиппинцев в нетуристической

зоне, я отправился обратно, конечно же, тоже пешком. Только пешком можно увидеть все подробности, чего не увидишь из окна автобуса или такси. И вот на обратном пути внезапно, как это всегда и бывает в этих местах, случился тропический ливень. Для тех, кто не в теме, поясню, что тропический ливень – это сплошная стена воды, которая накрывает тебя в несколько секунд, и уже нет разницы, стоишь ли ты на улице или в бассейне... Это к тому, что искать укрытия и там переждать бессмысленно, потому что мокрее быть уже невозможно! И вот я так и шёл, сначала по острову Себу, потом по мосту через пролив и по острову Мактан, под тёплым тропическим ливнем, чувствовал себя Ихтиандром, улыбался оттого, что весьма предусмотрительно завернул документы в целлофановый гриппер, потому что только там, внутри этого гриппера, было единственное сухое место на мне! Ливень всё шёл и шёл, и я пробирался сквозь него, как будто остров превратился в огромную душевую кабину в несколько километров длиной. Настроение было замечательным, и не было ни сожаления, ни досады. Так бывает! И, видимо, потому это запало в память, и теперь, спустя несколько лет, эти воспоминания остаются приятными.

Дороги, которые дарят мне самые волнующие минуты в моей жизни и которые остаются со мной. Сколько их ещё было? Да разве хватит места в рамках этого рассказа, чтобы даже перечислить?.. Они мелькают в моей памяти, просятся на выход, на страницы, ждут своей очереди. Они были! И они остаются со мной в огромных хранилищах памяти, они действительно часть меня!

Говорят, что Будда однажды сказал: «Мы в своей жизни будем жалеть о двух вещах – что мало любили и мало путешествовали». Прав Сиддхартха Гаутама, несомненно, прав!